

У ворот полицейской академии Хагивара Кэндзи, нагруженный чемоданами, успешно встретился со своим другом детства.

— Прости, Мацуда-чан, по пути возникла заминка, заставил тебя ждать?

— Хаги, ты не пострадал?

— Нет-нет, просто помог одной девушке поймать вора... Эй, Мацуда-чан, подожди меня!

Услышав, что с другом всё в порядке, Мацуда Дзимпэй, не оборачиваясь, зашагал в сторону учебных корпусов. Хагивара поспешил следом, и оба, под кружащимися лепестками сакуры, шагнули навстречу своей судьбе.

— Чуя... сколько нам еще идти до общежития? Я так устал, просто нет сил!

— Придурок Дазай, все вещи на мне, с чего это ты вдруг умаялся!

Накахара Чуя, в одиночку тащивший два чемодана, чувствовал, как на виске начинает пульсировать вена. Рядом, пошатываясь, брёл Дазай Осаму. Его лицо, и без того бледное, казалось почти прозрачным, и он словно приклеился к тени своего спутника.

Добравшись до комнаты, они обнаружили, что она рассчитана на двоих. Чуя первым делом сбросил багаж, открыл бутылку холодной воды, протянул её Дазая и только после этого принялся за уборку. Он не то чтобы не хотел просить Дазая о помощи — просто, учитывая его катастрофическое неумение вести быт и состояние, граничащее с тепловым ударом, проще было справиться самому.

Чуя аккуратно разложил постельное белье, намереваясь сначала вымыть пол и протереть шкафы, а уже потом застелить кровати. Но, закончив с уборкой, он с удивлением обнаружил, что обе кровати уже идеально застелены.

Дазай Осаму, не раздеваясь, свалился на одну из них и уснул. Темные круги под глазами на фоне мертвенно-бледной кожи выглядели особенно пугающе. В свои пятнадцать лет тело Дазая было болезненным и слабым — сказывались и последствия недавнего свержения старого босса Портовой мафии, и регулярные попытки самоубийства. В этом ином мире он казался еще более хрупким, чем прежде.

Чуя вздохнул, размышляя, как лучше укрепить здоровье напарника. Он тихо, стараясь не шуметь, закончил приводить комнату в порядок, взглянул на часы и, подойдя к спящему, легонько потряс его за плечо.

— Чуя, ты такой заботливый песик... Ха... Если мы пойдем сейчас, может, успеем урвать фирменный свиной шницель! — Дазай, сонный и растрепанный, позволил Чуе тащить себя в столовую, периодически прикрывая рот зевком и давая советы по меню.

Поскольку сегодня, кроме регистрации и обустройства, дел не было, они добрались до столовой довольно быстро, и народу там было немного. Чуя отправил Дазая занимать место, а сам встал в очередь. Шницель, как и ожидалось, разлетался мгновенно, но Чуе повезло — он забрал две последние порции. Поколебавшись, он взял еще и крабовые палочки. Пусть это не настоящий краб, но хоть какой-то намек на любимое лакомство должен был утихомирить этого вредного мальчишку.

Дазай нашел столик у окна и, не проверяя, чистый ли он, просто уткнулся лицом в столешницу. Он явно переоценил свои силы: чужая обстановка давила, уснуть удавалось лишь в моменты предельного истощения. Конечно, поспать в шумной столовой не вышло бы, но подремать — вполне.

Грохот подноса заставил его приоткрыть глаза.

— Дазай, твой шницель.

Увидев крабовые палочки, Дазай на мгновение округлил глаза, и в них даже блеснули слезы.

— Чуя, ты что, на самом деле добрый?

— Ешь давай, а то отберу...

Не обращая внимания на его очередные странности, Чуя купил две бутылки медовой воды и, протягивая одну, привычным движением вставил трубочку.

— Чуя, ты точно мамочка, даже Куникида до такого не додумывался, — пробормотал Дазай, жуя крабовую палочку вместе со шницелем.

Чуя почувствовал, как давление снова подскочило, а вена на лбу запульсировала с новой силой. Не злись, не злись, это не та самая скумбрия, это твой болезненный напарник. Повторив это про себя несколько раз, он наконец выдохнул и принялся за еду.

Эта идиллическая картина со стороны выглядела иначе. Морофуши Хиромицу, наслышанный о фирменном шницеле, поспешил в столовую сразу после уборки, но опоздал. Он заметил невысокого паренька, который купил последние порции и с недовольным видом поставил их перед своим спутником. Когда тот же паренек, подавая напиток, заботливо вставил трубочку, Хиромицу невольно остановился. Похоже, они очень близки.

Купив что-то другое, он сел неподалеку, дожидаясь своего друга детства, Фуруйю Рэя. Хиромицу поглядывал на экран телефона, но взгляд то и дело возвращался к двум подросткам у окна. Даже если не брать в расчет рыжего, Дазай Осаму вызывал серьезное беспокойство. Повязка на глазу, бинты на шее и запястьях — казалось, он был бледнее самой ткани бинтов. Это болезненное выражение лица невольно вызывало желание проявить участие.

Дазай, доев всё самое вкусное, лениво покусывал трубочку, наблюдая, как Чуя доедает свою

порцию. Заметив взгляд Хиромицу, он сразу понял, кто это — самый мягкосердечный из той пятерки. Раз он здесь, значит, остальные тоже скоро появятся. Но время для официального знакомства еще не пришло. Точнее, он хотел видеть не просто удивленные лица, а всех сразу — так будет куда интереснее.

Чуя проглотил последний кусок. Он знал аппетит Дазая, поэтому взял порции поменьше, так что переедания не чувствовал. Глядя на напарника, задумчиво грызущего трубочку, он понял: тот снова замышляет какую-то гадость. У него буквально рога и хвост демона прорезались. Ну и ладно, лишь бы ему было хорошо.

Чуя, этот вечный нянька, вздохнул, подхватил подносы и позвал Дазая. Нужно было еще купить предметы первой необходимости и доложить обо всем инструктору — дел было невпроворот. Бытовуху он брал на себя, но вот переговоры, требующие изворотливости и умения выбить привилегии, оставались на совести этого хитрого гада.

На закате они возвращались в общежитие. Сакура осыпалась, лепестки цеплялись за волосы и плечи, опадая при каждом шаге. Благодаря стараниям Дазая в разговоре с инструктором, им удалось выторговать немало поблажек, что заметно облегчало их жизнь в академии.

— Чуя, я так устал...

— Придурок Дазай, шевелись, а то опоздаем на ужин!

— А? Мы же только что ели! К тому же, общаться с этими самодовольными индюками было так противно, разве я не заслужил награду?

— Да-да, ты молодец, а теперь шагай быстрее, иначе я тебя ударю...

Их шумные голоса затихали в вечернем воздухе, уносясь вдаль.

На следующее утро, когда началось первое собрание и студенты наконец официально представились друг другу, в классе Онизуки раздались недоуменные возгласы:

— Что? Вы тоже с ними знакомы?

<http://bllate.org/book/20875/2108187>